

АЗБУКА
БЕСТСЕЛЛЕР

[Купити книгу на сайті kniga.biz.ua >>>](http://kniga.biz.ua)

*Моей восхитительной жене
Энн-Клинтон Грум,
которая на протяжении
всех этих восхитительных лет
была рядом с Форрестом*

[Купить книгу на сайте kniga.biz.ua >>>](http://kniga.biz.ua)

МОЛИТВА ДУРАКА

Пир отшумел, стихает суета,
Вельможи разъезжаться собрались,
Но в этот миг зовет король шута:
«Дурак, нам на потеху помолись!»

Шут тут же сдернул с головы колпак.
Усмешки горечь скрыл нелепый грим.
От богохульства съежился дурак,
А двор во все глаза следил за ним.

Ослушаться монарха шут не смел.
Колена преклонил и молвил так,
Под маской грима побелев как мел:
«Помилуй Господи меня, ведь я дурак».

.....

Его величество в молчаньи с трона встал
И, чтоб не услышал ни друг, ни враг,
В сад удалился и смиренно прошептал:
«Помилуй Господи меня, ведь я дурак».

Эдвард Роуленд Сил, 1868

ГЛАВА 1

Я вам так скажу: ошибки случаются у всех, незря же перед плевательницей всегда кладут резиновый коврик. Но мой вам совет: никому не давайте снимать кино про вашу жизнь. Правда или нет — это дело десятое. Просто вас потом задержат: начнут с вопросами приставать, телекамеры сувать в физиономию, аффтографы требовать, расхваливать на все лады. Ха! Кабы брехню грузили бочками, я бы в бочкари поддался и зашибал поболее, чем господина Дональда Трампа, Майкла Маллигена и Айвена Бозоски в месте взятые. Но об этом чуть позже.

А для начала позвольте ввести вас в курс моих скорбных дел. За последний десяток лет со мной не мало всего произошло. Во-первых, я стал на десять лет старше, а это не так весело, как некоторые думают. В волосах седина, да и прыти поубавилось — это сразу ясно стало, когда я сделал попытку вернуца в американский футбол, чтобы подправить свое положение.

Когда весь мой бизнес накрылся медным тазом, застрял я в Новом Орлеане, причем оставшись совсем один. Устроился подметалой в стрип-клуб «У Ванды», который работал до трех

часов ночи, так что дни у меня были обычно не заняты. Как-то в позний час сижу я в углу, смотрю, как моя подружка Ванда исполняет свой номер, и тут где-то впереди разгараеца не хилый кипеш. Зрители орут, ругаюца, переворачивают столы, стулья, швыряют пивные бутылки, бьют один другого по головам, девушки верещат. Меня это не особо встревожило, поскольку такие заварухи случались там раз заразом.

В толпе мелькал один громила, который размахивал пивной бутылкой так, как умел только один тип, мой знакомый по алабамскому университету. И что вы думаете: это он и оказался — старина Змей, наш квотербек, который двадцать лет назад на стадионе Апельсинового кубка в четвертом дауне выбросил мяч за пределы поля, чтобы остановить время в матче с кукурузниками из Небраски. Мы, конечно, игру слили, из-за чего меня в оконцовке отправили во Вьетнам, — ну, чего уж теперь, дело прошлое.

Короче, подхожу, выхватываю у Змея бутылку, а он, на радостях, что меня увидел, как даст мне по кумполу, что, конечно, было ошибкой, поскольку он вывихнул запястье, разорался, завелся, а в это время как раз подоспела полиция, и нас уволокли в каталашку.

С каталашкой я, надо сказать, знаком — попадал туда нераз. Утром, когда народ протрезвел, надзиратель принес нам жареной колбасы с черствым хлебом и стал допытываца, не желаем ли мы кому-нибудь позвонить, чтоб за нами

приехали. Змей от злости совсем с катушек слетел и говорит:

— Форрест, каждый раз, когда мне на пути встречается твоя тупая рожа, я попадаю в какую-нибудь передрагу. Смотри: десять лет тебя не видал — и вот пожалуйста. До тюрьги докатился!

Я только покивал, потому как возразить было нечего.

Короче, кто-то внес залог: за Змея с дружками, а заодно и за меня, чему ихний благодетель не особо обрадовался, и Змей меня спрашивает:

— За каким хреном ты вообще сунулся в это злачное место?

Когда я сказал, что работаю там уборщиком, Змей как-то странно на меня вылутился и говорит:

— Дьявольщина, Гамп, я же думал, ты до сих пор заправляешь криведочным бизнесом в Байю-Ла-Батре. Что случилось? Ты ведь миллионером был.

Пришлось рассказать ему всю грусную историю про банкротство моей компании.

Чертовски устав от заморочек с бизнесом, я отошел от дел. Управление компанией передал в руки моей мамы и друзей: летенанта Дэна, с которым мы познакомились во Вьетнаме, и мистера Триббла, grosмейстера, обучившего меня игре в шахматы. Сначала умерла мама, и к этому добавить больше нечего. Затем мне позвонил летенант Дэн и сказал, что увольняе-

ца, потому как всех денег не заработаешь и тогда-далее. А потом пришло письмо из налоговой инспекции, в котором говорилось, что за неуплату налогов мне грозит закрытие производства с конфискацией лодок, строений и прочего, а когда я примчался посмотреть, что же там делается, оказалось, что там не делается вообще ничего. Строения пустуют, земля поросла бурьяном, телефоны отключены, свет обрублен, а к дверям прилеплена бумашка от шерифа: дескать, «имущество арестовано за долги». Я решил наведаться к папе Буббы и разузнать, что к чему. Бубба был мне напарником и другом, мы с ним воевали во Вьетнаме, где он и погиб, но его папа мне всю дорогу помогал, вот я и прикинул, что от него смогу узнать, как такое стреслось. Прихожу и вижу его на крыльце: сидит с убитым видом.

— Что, — спрашиваю, — приключилось с креведочной компанией?

Он покачал головой.

— Форрест, — говорит, — все это так грусно и тягосно. Боюсь сказать: ты теперь банкрот.

— Но почему? — спрашиваю.

— Тебя, — говорит, — предали.

И поведал мне такую историю. Пока я прохолождался в Новом Орлеане, старый добрый летенант Дэн, прихватив с собой Сью, моего друга-обезьяна, а если более точнее — оран-мутана, вернулся в Байю-Ла-Батре, чтобы помочь в решении проблем компании. Дело в том, что мы отлавливали не достаточно креведок. А всем почему-то приспичило жрать креведки. Даже

в Индианаполисе, где еще пару лет назад слыхом не слыхивали о креведках, посетители каждой забегаловки хором требовали, чтоб днем и ночью им подавали большие порции креведок. Мы старались ускорить промысел, но креведок становилось все меньше и меньше, поэтому через несколько лет у нас уже не выходило и половины первоначального улова, да и вообще по всей стране начался креведочный бум.

Дальнеюющих подробностей папа Буббы не знал, но видел, что дела идут из рук вон плохо. Первым слинял летенант Дэн. На глазах у Буббиного папы он уезжал на шикарном лимузине вдвоем с дамочкой (на шпильках и в блондинистом битловском парике), да еще махал из окна двумя бутылками шампанского. Вторым сдернул мистер Триббл. Просто в одночасье ищез, а следом и все остальные, поскольку им перестали платить. В конце концов остался один Сью, который принимал телефонные звонки, но когда телефонная компания отключила связь, ушел и Сью. Наверно, понял, что больше никакой пользы принести не сможет.

— Обобрали тебя до нитки, Форрест, — сказал отец Буббы.

— Кто конкретно, — спрашиваю, — меня обобрал?

— Да все, — говорит он. — Дэн, мистер Триббл, секретутки, рыбаки, конторские крысы. Каждый хоть чем-нибудь, да пожевился. Даже обезьян Сью. Я сам видел, как он драпал за угол с компьютером подмышкой.

Что и говорить, новости были не утешительные. Просто бездец! И Дэн. И мистер Триббл. И Сью!

— Ничего не попишешь, — изрек отец Буббы. — Остался ты на бобах, Форрест.

— Ну и ладно, — говорю. — Мне не привыкать.

Вобщем, делать было нечего. Нахапали — пусть подавляца. В ту ночь я долго сидел на одном из наших причалов. Над заливом Миссисипи взошел жирный полумесяц и кабудто завис над водой. А я думал: была бы жива мама — у ней бы муха не пролетела. И еще я думал о Дженни Каррен (или как там теперь ее по фамилие) с малышом Форрестом, который на самом деле — мой родной сын. Я ведь пообещал ей долю в креведочном бизнесе, чтоб у Форрестамладшего были какие-никакие сбережения на черный день. А сам что? Раззорился. Одно дело — когда ты молот и не связан никакими обязательствами. Но мне-то, блин, уже за трицатник перевалило, а я еще хотел обезпечить малыша Форреста. И что из этого вышло? Опять я пролетел. Судьба такая.

Встал я, дошел до конца пирса. Жирный полумесяц так и завис на прежнем месте, над водой. Я чуть не заплакал и облакотился на толстое перило. И — черт возьми — оно, сгнивши совсем, подломилось и рухнуло, ну и я с ним в месте. Зараза. Опять я в дураках, стою по пояс в воде. Пусть бы какая-нибудь акула меня со-

жрала, я б не возрожал. Но акул там не водилось, так что я, выкарабкавшись на берег, сел наближающий автобус до Нового Орлеана и еле успел в стрип-клуб — уборку делать.

Через день-другой перед закрытием вваливаецца туда Змей. На руку шина наложена из-за вывиха об мою голову, но пришел-то он по другому поводу.

— Гамп, — говорит, — давай сразу к делу. Ты ведь за свою жизнь чем только не занимался — и все ради того, чтобы стать подметалой в каком-то притоне? Ты спятил? Стесняюсь спросить: ты бегаешь так же резво, как в студенческие годы?

— Не знаю, Змей, — говорю. — Не проверял.

— Вот что я тебе скажу, — продолжает он. — Может, тебе извесно, что я нынче квотербек в команде «Новоорлеанские святые». Может, извесно тебе и то, что дела у нас в последнее время идут херово. Слили восемь игр, ни одного очка не взяли, к нам уже кликуха прилипла — «Новоорлеанские пустые»! А на выходных играем с «Нью-Йоркскими гигантами», черт бы их подрал, и будет у нас в турнирной таблице, как пить дать, ноль-девять, а меня, скорей всего, турнут.

— Футбол? — поражаяюсь я. — Ты до сих пор играешь в футбол?

— Вот идиот! А что ж мне еще делать — играть на тромбоне? Слушай, для воскресного матча с «Гигантами» есть у нас одна заготовка.

Освоить ее плевое дело: раз-два потренироваца, вот и все. И ты, сдаеца мне, для этого подойдешь. А если не облажаешься, так еще, глядишь, и карьеру сделаешь.

— Ну, не знаю, Змей. Я ведь на поле не выходил с того раза, когда ты мяч в аут выбросил, чтоб время остановить, и мы продули кукурузникам из...

— Зараза, Гамп, не смей меня носом тыкать — двадцать лет прошло! Уж все забыли — кроме тебя, конечно. Господи, ты в этой пивнухе полы драишь — и отказываешься от такой возможности, какая раз в жизни подворачивается? Совсем тупой, что ли?

Я уже готов был ответить «да», но Змей не дал мне рта раскрыть и начал что-то царапать на салфетке.

— Смотри сюда: вот адрес тренеровочного поля. Приходи завтра ровно в час дня. Покажешь эту записку — и тебя проведут ко мне.

Он ушел, я засунул салфетку в карман и продолжил убираса, а придя с работы, рухнул в койку, но ворочался до расцвета — обдумывал Змеево предложение. Может, он и прав. И вообще: попытка не пытка. Вспомнился мне Алабамский университет, тренер Брайант, и Кертис, и Бубба, и все наши. Даже глаза у меня затуманились, поскольку это было, пожалуй, лутшее времячко моей жизни — фанаты орали, ревели, нам, щитай, равных не было. Короче, встал я, оделся, сходил позавтракать, сел на ве-

лик и ровно к часу прикатил на тренеровочное поле «Новоорлеанских святых».

— Повтори: как тебя зовут? — спрашивает охранник, изучая Змееву салфетку. А потом окидывает меня подозрительным взглядом.

— Форрест Гамп. Я когда-то играл в одной команде со Змеем.

— Ну да, ясное дело, — тянет охранник. — Все вы так говорите.

— Но я-то действительно играл.

— Ладно, жди тогда. — Смотрит на меня, как солдат на вошь, и уходит. Через пару минут возвращаеца и только головой качает:

— Все в порядке, мистер Гамп. Следуйте за мной. — И ведет меня в раздевалку.

Я, конечно, не мало здоровяков на своем веку перевидал. Вон игроки Небрасского униве-ра, помница, настоящие бугаи. Но эти молодые парни — они не то что бугаи, они мостодонты! Если я вдруг еще не говорил, у меня у самого рост два метра, а вес под сто десять кило, но эти ребята — каждый с виду сантиметров на пятнацать выше и килограмм на двацать, а то и на трицать тяжелей. Один, прецзавительный та-кой, подходит ко мне и спрашивает:

— Кого-то ищем, приятель?

— Ага, — говорю, — Змея.

— А его нету. Главный тренер его к врачу отправил — он в баре руку вывихнул об башку какого-то кретина.

— Знаю, — говорю.

— А ты по какому вопросу?

— Не знаю, — говорю. — Змей мне посоветовал зайти спросить, может, вы меня возьмете с мячом побегать за вашу команду.

— С мячом побегать? За нашу команду? — Он как-то не добро сощурился.

— Ага. Вообще-то, мы со Змеем вместе играли за Алабаму. Вчера он мне рассказал...

— Погоди-ка, — перебил меня здоровяк. — Тебя, случаем, не Форрест Гамп зовут?

— Ага, точно так.

— Да-да, — отвечает. — Слышал я про тебя, Гамп. Змей говорит, ты носишься, как черт из зада.

— Сейчас не уверен. Давно уж не бегал.

— Я тебе так скажу, Гамп: Змей просил нас тебя посмотреть. Давай заходи, мы тебя приоденем. Меня, кстати, тренер Харли зовут. Я принимающих тренерую.

Отвел он меня в раздевалку, где мне выдали полную форму и протчее. По сравнению с тем, что было у нас в универе, — две большие разницы. За последнее время многое поменялось. Щитков и резиновых нахлабучек стало в двое больше, так что, напялив весь комплект, выглядишь кабудто марсиан, а как встанешь — боишься опрокинуца. Когда я наконец-то управился, все уже на поле разминались.

Тренер Харли жестом подзывает меня к своей группе, которая пасы отрабатывает, и велит

стать в очередь. Я это помню с раньшего времени: выбежать вперед ярдов на десять, резко повернуть — и тебе бросят мяч.

В свой черед выбегаю, поворачиваюсь — и мяч прилетает мне прямо в физиономию, да с такой силищей, что я от удевления спотыкаюсь и падаю. Тренер Харли головой качает, я встаю, бегу в конец очереди. И потом еще раза четыре или пять даже — пас так и не принял, парни меня уже как-то стороняца. Кабудто я неделю не мылся, что ли.

Через некоторое время тренер Харли начинает кричать и раззоряца, и все оттягиваюца на линию схватки. Разбили нас на две команды, и попыток эдак через несколько тренер Харли снова дает мне знак подойти.

— Так и быть, Гамп, — говорит, — сам не знаю, зачем я это делаю, но все же поставлю тебя принимающим: проверим, сумеешь ли ты мяч поймать, чтобы Змей — он неизвесно когда оклемаеца — не стал посмешищем, а вместе с ним и я.

Бросаюсь я туда, где игроки совецаяца, и говорю парням, что я с ними. Квотербек, глядя на меня как на психа, цедит:

— Ладно, Гамп, восемь-ноль-три угловой флагашток на счет «два» — бежишь прямо ярдов двадцать, один раз смотришь перед собой, затем разворачиваешься.

Совещание закончилось, все разошлись по местам. А я даже не знаю, где мое место, иду на

обум, а квотербек это заметил и знаками подзывает меня поближе. Начинает счет, происходит розыгрыш мяча, я пробегаю, по своим прикидкам, двадцать ярдов, слегка приплясываю, обращаюсь — и точно: мяч летит прямо на меня. Я глазом моргнуть не успел, как он чудом оказался у меня в руках, я его прижал к себе и рванул чтоб было сил. Клянусь, пробежал я даже ярдов на двадцать дальше, чем нужно, и только тогда двое амбалов меня повалили.

Тут начался ад промежный.

— Что за фигня? — орет один.

— Эй, так не делаеца. Что он выдворяет? — возмущаеца другой.

Двое-трое с криками и бранью кинулись жаловаца тренеру Харли. Я встаю и бегу обратно совещаца.

— А чем, — спрашиваю квотербека, — эти ребята недовольны?

— Черт, Гамп, эти парни до того тупые, что теряюца, видя нечто новое. Они ждали, что ты исполнишь мои указания от и до — двадцать вперед, перебираешь ногами, потом угловой флагшток. Но ты выполнил только половину, и то шиворот-навыворот. В учебниках такого нет. Хорошо, что я тебя страховал. Но в любом случае пас ты принял классно.

За оставшее время я принял пять пасов или шесть даже, и все игроки, кроме защиты, остались довольны. Змей вернулся от врача и стоял у боковой линии, ухмыляясь и подпрыгивая.

СОДЕРЖАНИЕ

ГАМП И КОМПАНИЯ. <i>Роман</i>	
<i>Перевод Е. Петровой</i>	5
Примечания. <i>Е. Петрова</i>	309